

ОБЩЕНИЕ И ОДИНОЧЕСТВО: СФЕРА РАЗГОВОРА Н.Н. СТРАХОВА

В статье рассматриваются социальные и экзистенциальные предпосылки и обстоятельства интеллектуального одиночества Н.Н. Стрхова, русского литературного критика и философа-энциклопедиста XIX столетия. Исследуются коммуникативные контексты страховских философских исследований. При этом особое внимание обращается на эпистолярное наследие мыслителя, важнейшими корреспондентами которого были Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, И.А. Аксаков, В.В. Розанов.

Ключевые слова: мыслители, собеседники, интеллектуальное одиночество, близость, разговор, ученичество.

Forums, Companionships and Solitude of Nikolai Strakhov: towards the “sphere of a conversation”. ELENA N. MOTOVNIKOVA (Belgorod National Research University, Belgorod).

The article explores the social and existential conditions and circumstances of intellectual solitude of N.N. Strakhov, a Russian literary critic and philosopher of encyclopedic knowledge of the XIX century. The author analyzes the communicative contexts of Strakhov’s philosophical studies. The main emphasis is put on the letters of the thinker, the most important of which were addressed to F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, I.A. Aksakov, V.V. Rozanov.

Keywords: thinkers, collocutors, intellectual solitude, closeness, conversation, apprenticeship.

*Пошли мне, Господь, второго,
чтоб не был так одинок.*
А. Вознесенский

Николай Николаевич Стрхов (1828–1896) относится к числу тех русских мыслителей, жизнь которых была на виду. Выходец из белгородской семьи церковнослужителей, он отказался от церковной карьеры, на которой настаивал его дядя, архиепископ Нафанаил, заменивший ему рано умершего отца, и предпочел мир русских университетов и разночинной русской интеллигенции, в котором заслужил репутацию основательного, энциклопедического собеседника. Стрхов не создал семьи и не стал владельцем хозяйством; его домом попеременно становились костромская семинария, два столичных университета, в которых он учился, одесская и петербургская гимназии, в которых он работал учителем, журнальные редакции «Времени», «Эпохи» и «Зари», Императорская публичная библиотека; в качестве желанного гостя Стрхов подолгу бывал у Федора Михайловича и Анны Григорьевны Достоевских, в Ясной Поляне у Толстых, в крымской Мшатке у Данилевских, в курской Воробьевке у Шеншиных (Фета), посещал музыкальные и художественные мероприятия, публичные лекции, «вторники Милюкова», «пятницы

Полонского», принимал посетителей на собственных «средах» и вел обширную переписку. Между тем, при всей своей социальной вовлеченности, Стрхов оставался лично одиноким, скрытным, не вполне понятным даже для многих проникательных его друзей и сподвижников.

В.В. Розанов, числивший себя единственным учеником Н.Н. Стрхова, все время своего знакомства с ним печалился о неустраимости «разделяющей завесы», «пленки благоразумия», не позволяющей стать к нему интимно близко, несмотря на полную искреннюю открытость со своей стороны: «А все-таки как человек и ум Вы как будто много недоговорили, много мыслей оставили про себя» [6, с. 276]. И через год в статье, посвященной творчеству Стрхова, обобщал свои наблюдения: «Есть великий недостаток во всяком виде общественности, где люди являются более “прибранными”, нежели как бывают обыкновенно, но и вместе – неизмеримо более чуждыми друг другу, чем как могли бы стать, чем есть на самом деле» [5, с. 105]. Стрхов по обыкновению уходил от ответа: «Все-таки за указание моих недостатков я Вам благодарен – Вы правы, хотя я смотрю на дело несколько иначе» [6, с. 112], и лишь Толстому признавался в самых серьезных опасениях: «Все ведь можно преувеличивать, и свои достоинства, и свои недостатки, и

свое самодовольство, и свое раскаяние, и радость и муки. Я боюсь этой фальши. <...> Я пропитан скептицизмом, и потому крепко держусь за ясные, твердые истины. А что я не высказываюсь до конца, то ведь потому, что это гораздо труднее, чем полагают те, кто этого требует» [2, т. 2, с. 911].

Страхов был прежде всего мыслителем, исповедующим аскетизм бытовыми и душевными ради полноты и свободы творческой умственной жизни. «Главное дело в том, чтобы рассуждать, мыслить», иметь время и силы для того, чтобы плыть – не барахтаться – в безбрежном океане мысли, от острова к острову, со всей серьезностью участвовать в вечном разговоре с бессмертными произведениями и их авторами. «...Сижу дома, один среди своих книг – свидетелей, не исполненных замыслов и любознательности, превышающей меру моих сил. Не могу сказать, однако, чтобы дурно себя чувствовал» [6, с. 116], – пишет Страхов во время продолжительной болезни. Мысль, выраженная в слове, сама по себе уже не одинока – она приходит как ответ на вопрос, в связи с чьим-то высказыванием, обдумывается в определенном речевом контексте, «сфере разговора», и рано или поздно должна быть представлена для понимания, принятия или оспаривания.

Одна из наиболее заметных особенностей страховского письма – «необыкновенный дар цитат» [6, с. 252]. Это не просто случайная особенность авторской индивидуальности, не следствие хорошей памяти или эстетического азарта коллекционера удачных формулировок. Страхов был чрезвычайно чувствителен ко всяческой «воздушности», неопределенности, нетвердости понятий и рассуждений, и, задавая всегда самые высокие планки требований к своим текстам, он нашел в цитировании надежный способ использовать укорененность мысли в языке для «заземления» смелых теоретических соображений. «Когда-то меня мучило это легкое движение мыслей, – рассказывал он Розанову, видя в его работах тот же порок, – и я отделился от него тем, что стал искать опор в известных и неизвестных писателях. Мысль знаменитого философа или та, которая уже напечатана где-нибудь в газете, составляет уже факт, не может уже подвергнуться умолчанию, уничтожению, а подлежит обсуждению. Вот почему я так люблю ссылаться на всякие книги и говорить не от себя, а чужими словами, сопоставляя и толкуя места какого-нибудь автора. Тогда я чувствую себя на твердой почве» [6, с. 12].

Весьма поучительна и примечательна в этом смысле история того, как Н.Н. Страхов читал и обсуждал со своими корреспондентами книгу П.А. Бакунина «Основы веры и знания» (1886).

18 мая 1888 г. Страхов сообщает Розанову о своей единственной встрече с автором книги, написанной «в хорошем и истинно философском духе» [6, с. 8]: «Он мне сказал, что его книга дурно написана (что совершенно справедливо), что он *сам иногда не может добраться, какая мысль* внушила ему слова и фразы, напечатанные в его книге. «Я себя испортил, – говорит он, – я писал для себя и позволял себе самые странные выражения своих мыслей»» [6, с. 14]. Сам Страхов всегда первоначально писал философские тексты в формате журнальной статьи и имел возможность получить отклики своих постоянных читателей, показывавшие ему, где он допустил неясность, неточность, а где, наоборот, заслужил «такую награду, что выше и быть не может» [4, с. 353] – благодарность Л.Н. Толстого: «Ваши книги и мысли, выраженные в них, много мне помогли в уяснении тех вопросов, к[оторыми] я занят теперь. Надеюсь, что я их не извергаю сырыми, а ассимилировал и что вы мне скажете: на здоровье» [8, т. 64, с. 48–49].

Пребывая в сфере разговора, Н.Н. Страхов мыслит и говорит всегда адресно. Б.В. Никольский, один из глубоких почитателей Страхова, утверждал, что «личные отношения никогда не играли никакой роли в его суждениях, а скорее, наоборот, его умственные симпатии и антипатии обуславливали его личные отношения» [3, с. 39]. Прожив в съемной квартире рядом с писателем Д.И. Стахеевым двадцать лет, Страхов оставался для него только добрым соседом, доброжелательным, но интеллектуально чужим. Об оригинальном Ап.А. Григорьеве Никольский делает вывод, что «здесь была просто встреча на одинаковых выводах совершенно разнородных умов, шедших каждый своею дорогою...» [3, с. 54]. А вот степень духовного и умственного родства с Н.Я. Данилевским была у Страхова такой, что он записал в «биографических сведениях»: «В 1885 г. умер Н.Я. Данилевский, и я стал собираться умирать» [3, с. 48]. Верность Страхова памяти Данилевского хрестоматийна: «Вот больше года я все работаю для памяти Н.Я. Данилевского; она мне очень дорога, но часто я и скучал над работою. <...> Тут нет пищи для души, нет интересного для меня даже как натуралиста <...> Но память о нем согревает меня <...> не могу читать его книгу, не восхищаясь его ясным умом» [4, с. 361].

Парадокс страховского интеллектуального одиночества в том, что, как отмечает В.А. Фатеев, он не встретил настоящего понимания и поддержки среди тех, кто, казалось бы, должен был составить круг близких «своих». «Те люди, которые в свое время были рядом со Страховым, – Достоевский, Константин Леонтьев, Владимир Соловьев и другие

философы идеалистического направления, — они-то, казалось, были должны поддерживать и понимать друг друга. Может быть, в какой-то степени они друг друга и понимали. Но поддержки там никакой не могло быть — слишком они были разными» [9]. Причины, которыми Фатеев пытается объяснить «забвение Страхова», — суховатость, сдержанность, порой «суконность» языка, а главный недостаток — «общая расплывчатость идей, отсутствие какого-то единого стрежня» [9]. Причины эти неубедительны и недостаточны: стиль страховского письма — тема особая, но простота и сдержанность этому стилю не противоречат и не разрушают его, скорее, наоборот, создают. «Расплывчатостью» же страховских идей часто называли и называют его недоговоренность, неокончателность выводов; Страхов не считал для себя возможным формулировать искусственно некий сомнительный промежуточный результат или присоединяться к одной из конкурирующих точек зрения. «За ним “никто не шел”, да и трудно было за ним идти, ибо он сам никуда не шел. Что же он делал?! Он стоял около “вечных истин” <...> и не отходил отсюда, и умолял других не отходить» [5, с. X–XI].

Политические «говоруны возненавидели мыслителя» [6, с. 120]. Достоевский и Толстой творили свое, по мере собственного интереса обращаясь к Страхову. Вл.С. Соловьев уклонился от серьезного разговора о философии истории Н.Я. Данилевского, предложив своего рода софистический практикум, что, в свою очередь, крайне разочаровало Страхова. П.Е. Астафьев был решительным противником Толстого и потому отдалялся от Страхова, несмотря на общую борьбу против Вл. Соловьева, и общую любовь к А. Майкову, и общность в философско-психологических взглядах. Н.Я. Данилевский был так любим Страховым, наверное, именно за то, что был настоящий равный, прямой и открытый, диалогический «другой», счастливый собеседник, но он рано умер. К.Н. Леонтьев — эстет-аристократ, резкий и недоверчивый, психологически не потерпел страховской осторожности («хитрости» или «фальши», как он это называл)... Все равные Страхову по силе ума уходили в сторону «на самом интересном месте» разговора.

Глубокий, трезвый и скептический рационализм Страхова обрекал его на одиночество именно в качестве мыслителя. В обобщенном виде Страхов высказал эту свою точку зрения публично в «Воспоминаниях о Федоре Михайловиче Достоевском», с которым продолжал сотрудничать и встречаться, когда близость и взаимное доверие уже были утрачены. «Близость между людьми вообще зависит от их природы и при самых благоприятных условиях

не переходит известной меры. Каждый из нас как будто проводит вокруг себя черту, за которую никого не допускает, или — лучше — не может никого допустить» [7].

«Отчужденность теоретического ума», «глубокое внутреннее одиночество, способность ко всякому предмету или явлению, к лицу, народу или истории становиться лишь в отношении наблюдателя или мыслителя — есть невольное последствие этого проступка против собственной души, есть неизбежная кара за нарушение гармонии в ее развитии» [5, с. 51]. Пожалуй, ни один настоящий великий философ не мог избежать этого страдания отчужденности от мира живого, подвижного, единичного противоположно направленным устремлением в глубины самосознания, развитием внутренней жизни в ущерб внешним отношениям. Преодоление трагизма социального одиночества совершается Н.Н. Страховым с любовью к своему всегда ожидаемому подлинному собеседнику, во времени разговора. Исторически спасительная любовь пришла к Страхову в лице его ученика В.В. Розанова; но характерно, что самим Страховым она замечена была как будто вскользь; куда обстоятельнее его досада на розановское влюбчивое недопонимание: «Но только стойте крепко на своих ногах, а не то все будет ни к чему» [6, с. 109].

В кругу современников, сложившихся личностей, нелегко определившихся каждый в своей «самости», дорожащих своей самостоятельностью и независимостью, легче всего найти оппонентов [см., напр.: 1, с. 11–26]. Авторитетное же обращение возможно к юношам, к более молодому, к «будущему», кто может восхититься без ущерба для самолюбия, оценить и принять опыт старшего как более весомый, чем свои молодые фантазии, воспринять этот опыт, понятный по сходству мироощущения, важный и нужный для развития личности — развития идей учителя и своих собственных, уходящих вперед, не конкурирующих с учительскими, короче говоря, обращение учителя к ученику. Розанов смог угадать и значение времени, и значение ученичества в своих отношениях со Страховым, многолетнее уединение которого было так щедро вознаграждено под старость. Уже в самом первом письме к Страхову он писал: «...я Вам пишу как человеку, с которым я сошелся мыслью и чувством и который мне *дороже и ближе, чем физически близкие люди*. Мысль, что я Ваш ученик, никогда не оставит меня...» (Курсив мой. — Е.М.) [6, с. 145–146]¹.

¹ См. также в письме, датированном приблизительно концом декабря 1889 г.: «Удивительна вообще наша связь с Вами,

Читая переписку учителя и ученика, Н.Н. Страхова и В.В. Розанова, нельзя не заметить постоянной взаимной критики, порой размолвок и обид, недоразумений и недопонимания, в том числе и в позднейших (1913 г.) комментариях Розанова к письмам Страхова – «всё как у людей» – но *целое* этой дружбы впечатляет, между прочим, крайней серьезностью и значительностью того главного, что объединило, по-видимому, несхожих во всем писателей. Думаю, что главный пункт схождения Страхова и Розанова в понимании жизни – это их конгениальный взгляд на просвещение, на задачи и смысл педагогики национальной школы, на развитие личности ученика и народного сознания. «В формуле “БУДЕМ САМИ СОБОЙ” (в параллель древнему “познай самого себя”) – формула всего славянофильства, формула всего нашего исторического утверждения как идеала в будущем и отрицания как осуждения в прошедшем и настоящем. Это простой и дивный завет...» [6, с. 174], – писал Розанов Страхову под впечатлением от прочтения его статьи «Наша культура и всемирное единство». Постоянная работа над собой, выработка настоящей культуры мышления, исследования, поиск и защита вечных истин и органическое развитие собственных задатков и талантов – вот чему учился сам и готов был передать следующим поколениям ученик Страхова. В этом уроке отсутствует робость или угроза одиночества, не звучит никакого призыва под «знамена» или указания «направления» движения. У каждого есть только свой, единственный и одинокий путь к истине, который не отменяет ни

ее социальной предназначенности, ни ее принципиальной незавершенности в сфере подлинного разговора, о возможности которого свидетельствует исторический опыт Н.Н. Страхова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка / сост. М.И. Щербакова; Группа славянских исследований при Оттавском университете и ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. Оттава, Квебек, 2007. 192 с.
2. Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки. В 2 т. / сост.: Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова; ред. А.А. Донсков. М.: Гос. музей Л.Н. Толстого; Ottawa, 2003. Т. 1. 488 с.; Т. 2. 1080 с.
3. Никольский Б.В. Н.Н. Страхов, критико-биографический очерк. СПб., 1896. 55 с.
4. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894 / Толстовский музей. Т. 2. С предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб.: Изд. О-ва Толст. музея, 1914. 478 с.
5. Розанов В.В. Литературные изгнанники. Т. 1. СПб., 1913. 531 с.
6. Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / под общ. ред. А.Н. Николокина. М.: Республика, 2001. 477 с.
7. Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0580.shtml (дата обращения: 10.05.2012)
8. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. (Юбилейное). М., 1928–1958, 1964.
9. Фатеев В.А. О жизни и мировоззрении Н.Н. Страхова. Выступление // Русская мысль: Историко-методол. семинар в РХГА, 27 ноября 2009 г. URL: <http://www.rhga.ru/science/conferences/seminar/russs/stenogramms/strakhov.php> (дата обращения: 10.05.2012).

возникшая исключительно из чтения книг и ставшая такою прочною, продолжительною, полною интимности. Это может родиться только тогда, когда в книги действительно перелита жизнь писателя, его индивидуальное, его ни с кем и ни с чем не смешивающееся я» [6, с. 227]. См. также гипотезу Розанова о «духе разных поколений» как источнике и причине непонимания его текстов ровесниками Страхова в примечании 1913 г. [6, с. 70].